

ДВА МОДУСА КОММУНИКАЦИИ: ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье рассматриваются два модуса коммуникации – серьёзный (*bona fide*) и несерьёзный (*non-bona fide*), а также критерии, на основе которых носители языка выделяют различные режимы *bona fide* и *non-bona fide* дискурса. Основная цель исследования – обсуждение места иронии среди других типов *non-bona fide* коммуникации. Описание иронического дискурса проводится по нескольким критериям: соотношению высказывания с ситуацией, наличие элемента игры/притворства в речевых действиях говорящего, апелляция к эмоциям собеседника, степень кооперативности говорящего, возможность эксплицитной метапрагматической интерпретации говорящим собственных речевых действий. Такой набор критериев позволяет дать ответ на вопрос, где проходит граница между иронией, юмором, сарказмом и другими дискурсивными практиками *non-bona fide* модуса коммуникации.

Ключевые слова: модель коммуникации, *bona fide* модус, *non-bona fide* модус, режим интерпретации, ирония, юмор, сарказм

K. M. SHILIKHINA (VORONEZH, RUSSIA). TWO MODES OF COMMUNICATION: BORDERS OF INTERPRETATION. the paper discusses two modes of communication – serious (*bona fide*) and non-serious (*non-bona fide*) and the criteria that the language speakers use to distinguish various discursive practices within the two modes. The key rationale of the discussion is to capture discursive and pragmatic features of verbal irony and delineate it from other types of the *non-bona fide* communication. A set of criteria is applied to the description of irony, namely, the sentence-reality interface, the element of play and pretense in the speaker's verbal actions, emotional vs. rational appeal, the degree of the speaker's cooperativeness, and explicit metapragmatic commenting. The multi-facet description allows for distinguishing irony from humor, sarcasm and other discursive practices of the *non-bona fide* mode of discourse.

Keywords: model of communication, *bona fide* mode of communication, *non-bona fide* mode of communication, mode of interpretation, irony, humor, sarcasm

Everything is vague to a degree you do not realize until you have tried to make it precise.

Bertrand Russell

1. Два модуса коммуникации

В сознании носителей языка существует достаточно чёткое противопоставление двух способов (модусов) вербального взаимодействия: серьёзного (*bona fide*) и несерьёзного (*non-bona fide*). Оба модуса являются культурно значимыми: с одной стороны, серьёзная коммуникация является ведущим или даже единственным возможным способом общения во многих сферах деятельности (например, в юридическом дискурсе); с другой стороны, умение общаться в *non-bona fide* модусе также высоко ценится во многих культурах (ср., например, аббревиатуру GSOH – *good sense of humor* – стандартно используемую в так называемых *personal ads*). В повседневной коммуникации юмор – основной режим *non-bona fide* модуса – оценивается носителями языка позитивно, поскольку он является средством установления и укрепления внутрисрупповых связей, способствует снятию психологического напряжения. На то, что оба модуса важны в повседневной коммуникации, указывают случаи, когда именно серьёзность / несерьёзность становится основной темой обсуждения. В примере [1] – фрагменте диалога, посвященном одной из передач телеканала НТВ, – многократно упоминаются различные режимы *bona fide* и *non-bona fide* коммуникации:

[1] [samolet73](#)

Это могло бы быть стёбом, если бы ведущий был хотя бы не москвичем. Или в интонации звучала ирония. Или подавалось это со словами – штампами, “как всем очевидно”, “необходимо заметить”, “пресловутые жители России”. И т. д. А тут все на полном серьёзе, только с ухмылкой.

[skotobaza](#)

Напротив, считаю прекрасным примером совпадения стиля (НэТэВэ), подачи материала (НэТэВэ) и личности говорящего (опять же НэТэВэ). Узнаваемо и кричаще.

Как раз здесь ирония и прозвучала свежо и непривычно в связи с отсутствием указанных Вами маркеров (“необходимо заметить” и проч.).

Почти искусство. Именно в связи с отсутствием прямого в лоб “я гоню”.

Весьма элегантно для НТВ.

имхо.

samolet73

Это может понять 0.000000001% народа. Остальные поймут буквально.

Маркеры бы хоть как то сгладили. Ирония тоже.

(<http://samolet73.livejournal.com/539437.html>)

Bona fide и *non-bona fide* модусы коммуникации неоднородны: в пользу этого свидетельствуют довольно многочисленные глаголы речи и глагольные группы, основная функция которых сводится к метапрагматическому комментированию речевых действий (*говорить серьёзно, шутить, иронизировать, язвить, лгать*). С точки зрения своей семантики они относятся к интерпретационным глаголам: по мнению Ю. Д. Апресяна, такие глаголы «не обозначают никакого конкретного действия или состояния, а служат лишь для какой-то интерпретации (квалификации) другого, вполне конкретного действия или состояния» (Апресян 2009: 177). Иными словами, интересующие нас глаголы обозначают речевые действия, которые интерпретируются участниками коммуникации или наблюдателем как, например, юмор, ирония, сарказм, ложь и т. д.¹ С точки зрения прагматики коммуникации эти глаголы выполняют важную регулятивную функцию: эксплицитно указывая на *bona fide* либо *non-bona fide* модус, они служат сигналами того, что по каким-то причинам говорящий опасается неверной интерпретации сказанного или написанного. Это опасение заставляет его эксплицитно устанавливать границы возможных действий адресата по интерпретации услышанного или прочитанного. Иллюстрацией такого метапрагматического употребления служат следующие примеры:

[2] *VICKI-MABREY-1-AB#(Voiceover) Next up is Ira. Ira's 59, recently engaged and wants to know if he should give into his fiance's request to a \$50,000 dream wedding.*

SUZE-ORMAN-1-FINAN# Did you get her pregnant? Just joking. [COCA]

¹ Семантика интерпретационных глаголов объясняет тот факт, что носители языка не всегда единодушны в оценке тех или иных действий, в том числе речевых. Поскольку интерпретация – это субъективный процесс, одно и то же речевое действие может оцениваться по-разному.

[3] – *Кстати, тебе уже известно, кто отец ребенка?*

– *В каком смысле?* – *Боков округлил глаза.*

– **Я шучу.** Ты совсем оупел, юмора не понимаешь [НКРЯ].

[4] – *Я слышала, вас боятся чиновники.*

– *Они не будут меня бояться, потому что я сам их боюсь. Я ужасно боюсь чиновников, хотя к некоторым из них отношусь с большой любовью. Я говорю серьёзно, потому что среди них есть очень интересные люди [НКРЯ].*

[5] *Ну, люди-то многие смеются, а я совершенно серьёзно так считаю и говорю это искренне, без какой-то иронии, без ужимок, без всякой ерунды. Я считаю, что Ксения Собчак – это не просто умная девушка, не вот там какая-то «Да, там какая-то дура набитая из Дом-2!» Нет. Ксения Собчак – это не просто умная девушка, а воспитанная, образованная и очень хорошо понимающая, что вокруг неё происходит, и вокруг неё в широком смысле [http://echo.msk.ru/programs/razvorot-evening/812070-echo/].*

Основная задача глаголов и глагольных групп, называющих речевые действия, заключается в структурировании дискурса: они задают режим интерпретации (то есть, прямо указывают на то, каким образом следует интерпретировать сказанное) и тем самым облегчают процесс понимания текста или высказывания.

Интуитивно ощущаемое носителями языка противопоставление *bona fide* и *non-bona fide* модусов коммуникации долгое время не находило своего отражения в лингвистических описаниях. Вплоть до середины XX века лингвистика была сосредоточена на системно-структурных описаниях языка; дискурс же считался неупорядоченным, несистемным явлением, не заслуживающим внимания лингвистов (Кибрик 2003). Даже смена исследовательской парадигмы и смещение внимания с системно-структурных свойств языка на *homo loquens* не стали толчком к тому, чтобы режимы интерпретации сказанного – *bona fide* или *non-bona fide* – получили детальное описание. Традиционные исследования коммуникативных процессов в рамках риторики и стилистики и даже начавшееся в середине XX века моделирование коммуникации в рамках лингвистической прагматики, анализа дискурса и других антропоцентрично-ориентированных направлений лингвистических исследований по умолчанию принимали серьёзное, искреннее, рациональное общение в качестве единственно возможного

модуса коммуникации и в принципе не рассматривали иные варианты.

Отсутствие внятного лингвистического анализа *bona fide* и *non-bona fide* модусов коммуникации, на наш взгляд, объясняется тем, что большинство моделей коммуникации ориентированы исключительно на общение как обмен информацией. Классическим примером здесь может служить модель Р. Якобсона, в которой действия участников коммуникации сводятся к «упаковке» и «восстановлению» информации, при этом связь сообщаемой информации с действительностью никак не отражается в структуре самой модели.

Одна из самых широко цитируемых моделей общения – так называемая Стандартная Прагматическая модель коммуникации (Grice 1975; Searle 1979) – предполагает проверку значения высказывания на соответствие замыслу говорящего. Лежащий в основе этой модели прагматический идеал использования языка постулирует тождество коммуникативного замысла и его языкового воплощения. Иными словами, он может быть выражен формулой «ЧТО ДУМАЮ = ЧТО ГОВОРЮ». Однако цель моделирования в данном случае другая: объяснить, каким образом возможно понимание в тех случаях, когда говорящий по каким-либо причинам отклоняется от рациональной коммуникации. В центре внимания оказывается противопоставление «буквальное vs. переносное использование языка» и связанные с ним процессы формирования и распознавания коммуникативных интенций говорящего. Прямая и косвенная коммуникация, экспликатуры и имплицатуры – эти термины являются «научным» отражением так называемых «обыденных» представлений о том, что качество коммуникации и способы понимания сказанного или написанного могут различаться.

Противопоставление *bona fide* / *non-bona fide* модусов общения было введено в лингвистический оборот относительно недавно: описывая шутку как жанр юмористического общения, В. Раскин выделил главный критерий этой оппозиции: высказывание может быть классифицировано как *bona fide* либо *non-bona fide* в соответствии с тем, как оно соотносится с реальным положением дел (Raskin 1985). Этого критерия достаточно для противопоставления юмористической и серьёзной коммуникации в общем виде. На самом деле бинарное противопоставление двух модусов на основе единственного критерия значительно упрощает реальную ситуа-

цию. Во-первых, между *bona fide* и *non-bona fide* модусами нет чёткой границы; напротив, в повседневном общении мы сталкиваемся с многочисленными случаями переключения между модусами. Во-вторых, с точки зрения языкового оформления высказываний различия между ними далеко не всегда очевидны. Приведем несколько примеров:

[6] *Housing Minister Yvette Cooper says: "It was a great speech. It was a serious speech for serious times but also a very personal speech very much about the things Gordon Brown cares about."* [http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/7630989.stm]

[7] *Another Great Speech (I'm Being Ironic)* [<http://whatuphomeblawg.blogspot.com/2009/08/another-great-speech-im-being-ironic.html>]

В контекстах [5] и [6] именная группа *great speech* может быть интерпретирована как серьезная (то есть, описывающая реальное положение дел) или ироническая оценка речевых действий (то есть, указывающая на то, что предыдущее высказывание не соотносится с реальностью) только благодаря наличию метапрагматического комментария. В случае отсутствия такого комментария неопределенность способа интерпретации слов собеседника может сохраняться:

[8] *А / Наташкин и Серёжкин отец / Пётр Петрович. Всё время дразнится. У него не поймёшь / когда он говорит серьёзно / а когда так. Он назвал наш дом великой Хата Моргана [НКРЯ].*

[9] *When Belcher, a professor of materials science and engineering and biological engineering, explained that her biologically based system made it possible to conduct a billion experiments at a time, he interrupted to say, "Really?" Belcher answered, "Yes, we can," to which he quipped, "That was my slogan, you know." Overall, he was "serious, but kind of joking at the same time," Belcher says [СОСА].*

Двойственная интерпретация – результат того, что адресат не может однозначно определить, каким образом высказывание должно быть соотнесено с реальностью.

Проблема взаимоотношения высказывания и реальности – не новая для лингвистики и философии языка. С одной стороны, существует логическая традиция оценивать высказывание с точки зрения его истинности или ложности. Эта традиция является отправной точкой для формальных семантических описаний языка. В частности, теоретико-модельная семантика, описывая язык как

формально интерпретируемую систему, для определения истинности/ложности предложения предлагает два критерия:

- а) надо знать значение предложения и
- б) надо соотнести предложение с некой ситуацией в реальном мире и определить, насколько эта ситуация соответствует значению предложения (Vach 1989).

Недостатки такого способа моделирования семантики высказывания хорошо известны. Формально-семантический подход применим к реальным процессам коммуникации в весьма ограниченном объёме, поскольку, во-первых, исключает *homo loquens* из рассмотрения. Во-вторых, предложенные критерии применимы только к утверждениям. Другие типы высказываний не могут быть оценены как истинные или ложные.

Стандартная прагматическая модель, по сути, стала попыткой исправить недостатки формального логико-семантического подхода. Включение фигуры говорящего в модель и выход за пределы высказываний-утверждений стали шагом вперёд, но не решили основной проблемы. Введённое в описание понятие *интенции говорящего*, с помощью которого объясняют, как соотносится значение высказывания с целями коммуникации, в таких случаях оказывается малопригодным: интерпретация оказывается затруднена, поскольку неясно, каким образом сказанное соотносится с реальной ситуацией. Очевидно, контексты [8] и [9] и им подобные случаи не могут быть описаны только в терминах соотношения значения высказывания и интенций говорящего. То, каким образом высказывание взаимодействует с реальностью, – не менее важный параметр коммуникативной ситуации, поскольку именно он определяет режим интерпретации текста или высказывания (*bona fide* или *non-bona fide*). Режим интерпретации – это и есть определенный сценарий соотнесения высказывания (текста) с реальным положением дел.

2. *Bona fide* модус коммуникации: основные режимы и свойства

Поскольку основной целью данной работы является описание иронии как дискурсивной практики (режима) *non-bona fide* модуса коммуникации, на свойствах *bona fide* модуса и его разновидностях остановимся лишь кратко. Выше мы уже упомянули критерий, наиболее важный для противопоставления двух модусов: со-

ответствие высказывания действительности. Однако один этот критерий не является достаточным основанием: фантастика и художественный вымысел не имеют коррелята в окружающем мире, тем не менее, такую коммуникацию нельзя считать несерьезной¹. Существование таких текстов – не единственная проблема для данного критерия: кроме очевидных случаев, когда высказывание однозначно соотносится либо не соотносится с реальностью, есть масса переходных случаев, когда однозначно оценить соотношение сказанного с действительностью невозможно; для снятия неопределённости в таких случаях необходим более широкий контекст.

Описание рационального речевого поведения требует введения ещё нескольких характеристик, а именно: степени кооперативности говорящего, наличия элемента игры/притворства, а также возможности металингвистической характеристики речевого действия.

Кооперативность – понятие сколь полезное для описания вербального взаимодействия, столь и расплывчатое. В то время как в классической трактовке Г. П. Грайса кооперативность описывает рациональное и целенаправленное речевое поведение, в обыденном употреблении кооперативность противопоставляется конфронтации. Смешение обыденной и прагматической трактовок приводит к идеализации коммуникации: зачастую в лингвистических исследованиях Принцип Кооперации описывает исключительно гармоничное и эффективное общение. Ещё одним ограничением является бинарная трактовка кооперативности: принято считать, что поведение говорящего может быть либо кооперативным, либо некооперативным. На самом же деле кооперативность – понятие градуальное, рациональность и целенаправленность речевых действий говорящего может проявляться в различной степени. Именно это свойство оказывается принципиально важным для описания различных режимов *bona fide* и *non-bona fide* коммуникации: за внешне нерациональным поведением мо-

¹ К фантастическим текстам применим другой критерий: они могут быть соотнесены с реальностью в терминах возможных миров (о возможности применения понятия возможных миров к лингвистическому материалу см., напр., Бабушкин 2001)

жет стоять абсолютно рациональное коммуникативное намерение говорящего.

Игра / притворство в речевых действиях говорящего – ещё один критерий, который оказывается полезным при описании *bona fide* и *non-bona fide* модусов коммуникации. Игра – один из важнейших способов освоения окружающего мира: с одной стороны, через игру человек познаёт свойства и функции объектов, с другой – в игре он ищет новые пути использования уже известных вещей. В этом смысле игра с лингвистическими знаками – способ проверить, какие ещё действия помимо передачи информации можно совершать с языком. С точки зрения семиотики игра расширяет возможности языка как знаковой системы. С точки зрения прагматики коммуникации игровое речевое поведение, притворство – одна из причин несовпадения значения высказывания и значения говорящего.

Наконец, последний из обозначенных выше критериев – возможность метапрагматического описания собственных речевых действий – уже обсуждался выше. Метапрагматические комментарии помогают снять прагматическую неоднозначность и играют роль «инструкции по применению»: они указывают, каким способом новая информация должна быть интегрирована в уже имеющуюся у адресата систему знаний.

Посмотрим, как данные признаки реализуются в различных режимах *bona fide* коммуникации. В общем виде *bona fide* модус включает два режима общения: эксплицитный (прямой) и имплицитный (косвенный). Последний основан на использовании косвенных речевых актов, позволяющих говорящему выражать смыслы, наличие которых не вытекает непосредственно из лингвистической формы высказывания. Основные свойства эксплицитной и имплицитной *bona fide* коммуникации представлены в Таблице 1.

Очевидно, основное различие между эксплицитной и имплицитной серьёзной коммуникацией состоит в привлечении инференции для соотнесения сказанного с реальностью. Отметим также, что уже в имплицитной коммуникации мы наблюдаем элемент игры/притворства: не прямое выражение интенции – это первый шаг к игровому действию со знаком.

Таблица 1. Режимы *bona fide* модуса коммуникации

Режим коммуникации	Соотношение с реальностью	Степень кооперативности говорящего	Элемент игры / притворства	Металингвистические комментарии
Эксплицитный	И для говорящего, и для адресата высказывание отражает реальность, то есть, описывает, «как всё обстоит на самом деле»	Максимальная, так как основная цель общения – передача информации	Полностью отсутствует	<i>Я (говорю / спрашиваю) серьезно Я (говорю) искренне</i>
Имплицитный	Соотношение между высказыванием и реальностью восстанавливается путем инференции.	Высокая: говорящий использует конвенциональные способы оформления косвенных речевых актов, что облегчает задачу распознавания стоящего за высказыванием намерения	Присутствует в минимальной степени: интенция не выражена прямо	При необходимости, для экспликации интенции, например, « <i>Я не прошу, а требую!</i> »

Далее посмотрим, как с помощью набора признаков можно описать различные режимы / дискурсивные практики *non-bona fide* дискурса, а также попробуем определить, какие именно характеристики отличают иронию от юмора, сарказма, розыгрыша, лжи и абсурдного дискурса.

3. Типы *non-bona fide* дискурса

Дискурсивные практики этого модуса общения с трудом поддаются определению. Например, словарная дефиниция юмора как «Умение подметить смешную сторону кого-, чего-л. и предста-

вить, показать её в незлобиво-насмешливом виде; проникнутое шутливым, добродушно-насмешливым настроением отношение к кому-, чему-л.¹» ничего не говорит о том, каким образом юмористический дискурс соотносится с реальностью. Такое определение малоинформативно и в отношении языкового оформления высказывания – неясно, что именно должен сказать коммуникант, чтобы представить некоторую ситуацию в незлобиво-насмешливом виде, и какие элементы высказывания / текста «запускают» юмористическую интерпретацию. Иными словами, фокусируясь на том, какие эмоции переживает говорящий, словарная дефиниция ничего не сообщает нам о том, КАК создается и как «работает» юмор в дискурсе.

Аналогичная ситуация складывается и с другими режимами *pop-bona fide* коммуникации: пожалуй, наиболее печально известно в этом смысле ирония. Ситуация также усугубляется еще и тем, что зачастую один режим определяется через другой, например: «Сарказм – язвительная насмешка, едкая ирония».

Подвижность границ интерпретации режимов *pop-bona fide* дискурса демонстрируют следующие контексты:

[10] *Всего за один выпуск хороших шуток больше, чем за десять серий других комедийных сериалов. Единственный недостаток — не всегда угадывают с «гостями» передачи. Многие ведущие открылись с другой стороны: Ургант искромётно шутит, а не готовит, Светлаков смешит сарказмом, а не ситуациями или нарядом, должностью фрезеровщика. Мартиросяну уделено больше времени, чем в Комеди, а Цекало выручает в тех моментах, когда юмор не клеится. Причём и как объект шуток, так и в роли юмориста. Ничего веселее, наверное, ещё не видел. [НКРЯ. Комментарии к передаче «ПрожекторПерисХилтон» (2009-2011)]*

[11] *Самый главный плюс фильма – это, конечно, Тони Старк, это просто кладезь иронии, сарказма и юмора, просто сверхфигурный герой, Роберт не просто сыграл Старка, а стал им на эти 2 часа. Однозначно один из лучших фильмов года пока... [НКРЯ. Железный Человек, Iron Man (2008)]*

¹ Здесь и далее (кроме специально оговоренных случаев) словарные дефиниции приводятся по Большому толковому словарю русского языка под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998.

Хотя в реальной речевой практике случаи неоднозначной интерпретации *non-bona fide* речевых действий нередки, вопрос о соотношении иронии с другими формами «несерьёзной» коммуникации (юмором, сарказмом) остается нерешённым, поскольку эти типы коммуникации имеют целый ряд общих свойств. На это обстоятельство указывает К. Барб: пытаясь определить границу между иронией, шуткой и ложью, она обнаруживает, что ни функция, ни цель, ни лёгкость распознавания намерений говорящего не могут служить сколько-нибудь объективными критериями разграничения; приписывание высказыванию статуса юмора или иронии осуществляется субъективно (Barbe 1995).

Часто ирония рассматривается как разновидность юмора или же объединяется с сарказмом и противопоставляется юмористической коммуникации. Ясно, что четкая и непротиворечивая классификация режимов *non-bona fide* дискурса оказывается невозможной, поскольку мы имеем дело с так называемым нечёткими категориями. Ср. мнение И. Б. Шатуновского относительно иронии: «То, что называют иронией и к чему применимы характеристики *иронический, сказал иронически, с иронией* и т. п., представляет собой чрезвычайно обширную и размытую область» (Шатуновский 2007: 340). Аналогично, описывая многообразие явлений, называемых иронией, Л. Анолли использует метафору семейного сходства – “the irony family” (Anolli 2002).

Несмотря на отсутствие прозрачных границ между различными режимами *non-bona fide* дискурса, интерпретация речевого поведения как иронии / юмора / сарказма / абсурда / лжи и т. д. становится возможной благодаря некоторым конкретным действиям и наблюдаемым внешним процессам. Какие именно речевые действия и внеязыковые процессы воспринимаются как сигналы *non-bona fide* модуса общения?

С точки зрения прагматики существующие режимы *non-bona fide* коммуникации (за исключением абсурдного дискурса, о котором речь пойдет ниже) объединяет намеренное стремление говорящего к нарушению норм кооперативного коммуникативного поведения. Традиционно принято считать, что и юмор, и ирония, и ложь – это способ сказать одно, имея в виду нечто другое, то есть, в основу рассуждений кладется связь между значением высказывания и значением (интенцией) говорящего. Но расхождение между значением высказывания и значением говорящего

свойственны не только *non-bona fide* коммуникации. Поэтому связь высказывания с действительностью оказывается более важной при выборе режима интерпретации высказывания или текста.

Вернемся к вопросу о том, что позволяет носителям языка интерпретировать *non-bona fide* речевые действия как юмор / иронию / сарказм и т. д. Проблема разграничения режимов *non-bona fide* коммуникации возникает из-за того, что для создания классификаций применяется только один критерий (соотношение между значением высказывания и интенцией говорящего). В данной работе мы попробуем применить другой классификационный подход: опишем интересующие нас режимы коммуникации с точки зрения нескольких критериев, а именно – уже упомянутых ранее степени кооперативности говорящего, наличия игры / притворства, возможности метапрагматических комментариев собственных речевых действий. К этим критериям добавим ещё один – апелляцию к разуму или эмоциям адресата. Комбинирование признаков и даст нам необходимые «портреты» интересующих нас режимов коммуникации: мы увидим как сходства, так и различия между ними.

Обобщенное описание режимов *non-bona fide* модуса дискурса представлено в Таблице 2.

Таблица 2.

Режимы *non-bona fide* модуса коммуникации

Режим коммуникации	Соотношение с реальностью	Кооперативность собеседника	Апелляция к эмоциям/ разуму адресата	Элемент игры / притворства	Метапрагматические комментарии
Юмор	Частично соответствует	Высокая: юмор способствует укреплению внутригрупповых связей	Эмоции	+	Я шучу

Ирония	В классическом варианте – не соответствует ситуации. В случае т.наз. “правдоподобной” иронии – соответствует некоторой обобщенной ситуации.	Не очевидно, степень имплицитности может варьировать (<i>явная ирония – тонкая/скрытая ирония</i>)	Эмоции	+	<i>Я иронизирую</i>
Сарказм	Не соответствует	Внешне речевые действия противоречат Принципу Кооперации	Эмоции	+	<i>I'm being sarcastic</i>
Ложь	Не соответствует полностью	При внешне кооперативном поведении речевые действия полностью некооперативны	Разум	+	Не употребляются
Абсурдный дискурс	Не имеет коррелята в окружающем мире	Критерий кооперативности неприменим к абсурдной коммуникации	Разум	–	Не употребляются

Прокомментируем табличное описание режимов *non-bona fide*. Во-первых, по мере ослабления связи высказывания с действительностью уменьшается и очевидность кооперативности речевых действий говорящего. Однако юмор, ирония и сар-

казм, внешне некооперативные способы коммуникации, в своей основе имеют рациональное коммуникативное намерение. В пользу этого говорят, например, такие интерпретации:

[12] *И хотя в его словах звучала ирония, смысл их был далеко не ироничный* [НКРЯ].

[13] *После сноса Никитского монастыря, на месте, где стояли его храмы и колокольня, в 1935 году появилось здание электроподстанции строившегося тогда в Москве метро. Серое, невыразительное строение попытались хоть как-то оживить по фасаду «революционными» барельефами. Это было так убого, что писатель-сатирик Илья Ильф в своей записной книжке с убийственным сарказмом назвал это творение «вдохновенным созданием архитектора Фридмана»* [НКРЯ].

Несмотря на внешнее несоответствие высказывания реальному положению дел, речевое поведение говорящего по-прежнему кооперативно и рационально, с той только разницей, что эти два свойства оказываются завуалированы.

Во-вторых, юмор, иронию и сарказм объединяет апелляция в первую очередь к эмоциям адресата. Названные дискурсивные практики связаны с выражением оценки, причем оценки как правило негативной.

Очевидно, особое место среди *non-bona fide* дискурсивных практик занимает ложь. Её словарное определение – «*неправда, намеренное искажение истины; обман*» – основано на логической традиции. Понимание лжи как высказывания, не соответствующего реальности, складывается уже в античную эпоху. Ложь противопоставляется истине именно на основании соотношения высказывания и реальности: «истина как таковая есть указание на какую-то реальную действительность, а ложь есть указание на то, чего нет, то есть, на несуществующее, или на небытие» (Лосев 1999). В теории коммуникации ложь – такой способ общения, когда говорящий намеренно сообщает сведения, не имеющие места в действительности, с целью ввести собеседника в заблуждение.

Абсурдная коммуникация объясняется отклонениями в психике человека, поэтому от прочих режимов общения она отличается в первую очередь иррациональностью. Практически полный разрыв сказанного/написанного с реальностью является основанием для включения абсурдной коммуникации в ряд *non-bona fide* типов дискурса.

4. Ирония как дискурсивная практика *non-bona fide* модуса коммуникации

Среди названных выше режимов *non-bona fide* модуса коммуникации ирония занимает особое место. Классический вариант иронии – антифразис – описывает ситуацию, не имеющую коррелята в реальном мире. Это свойство позволяет сравнивать иронию с ложью. Традиционный итог такого сопоставления сводится к тому, что в случае с ложью говорящий не хочет, чтобы адресат распознал несоответствие между сказанным и реальностью, в то время как в ироническом дискурсе желание, чтобы адресат обнаружил расхождение, является частью интенции говорящего. Именно поэтому иронический дискурс при необходимости позволяет метапрагматические комментарии собственных речевых действий, а ложь – нет.

Насколько информативны критерии описания *non-bona fide* режимов коммуникации применительно к иронии? Даже краткое табличное описание показывает, что их приложение к ироническому дискурсу требует дополнительных оговорок и пояснений.

Основной критерий классификации – соотношение высказывания и реальности – в случае с иронией оказывается не вполне информативным. Дело в том, что ироническое высказывание или текст может соответствовать ситуации в различной степени: в классическом варианте, когда ирония интерпретируется «от противного», высказывание не просто не соответствует положению дел в действительности, но прямо противоречит ему. Однако существуют и такие иронические высказывания, которые А. Партингтон предложил называть «правдоподобной иронией» (Partington 2007): говорящий указывает на некоторую обобщенную ситуацию, например, «Мне нравится, когда дома чисто», хотя в момент речи адресату очевидно, что реальное положение дел (беспорядок) не соответствует ожиданиям говорящего. Таким образом, с одной стороны, своим высказыванием говорящий сообщает о некотором типичном положении дел, с другой – указывает на расхождение между ожиданиями и тем, как обстоят дела в действительности. Таким образом, говоря о том, как соотносится ироническое высказывание с реальностью, мы должны учитывать, идет ли речь о некоторой типизированной ситуации, или о конкретном положении дел.

Второй критерий также требует пояснений. В зависимости от того, насколько легко ирония распознаётся адресатом, очевидность рациональности речевых действий говорящего также может варьировать. Эта вариативность проявляется в ряде определений, которые используются для металингвистического описания иронии: с одной стороны, существует *явная ирония*; с другой стороны, ирония может быть *тонкой, едва уловимой, неявной, скрытой* (Кашкин 2011).

Три других критерия описывают иронический дискурс достаточно однозначно: ясно, что ирония как способ выражения критической оценки апеллирует в первую очередь к эмоциям адресата; как *non-bona fide* дискурсивная практика ирония обязательно включает элемент игры и притворства. Языковая игра часто является сигналом иронической интенции; исследователи также указывают на наличие интонационных сигналов иронии. Стоит также отметить, что целый ряд лингвистических моделей вербальной иронии объединяется в общую группу теорий иронии как притворства (см., например, Clark 1984).

Ещё один вопрос, имеющий отношение к описанию иронии как дискурсивной практики, заключается в следующем: как соотносятся традиционные словарные определения иронии с нашим описанием? В качестве примеров словарного описания приведём два определения – из энциклопедического и толкового словаря.

[14] *Ирония* (от греч. *εἰρωνεία*, букв. – притворство) – троп, заключающийся в употреблении наименования (или целого высказывания) в смысле, прямо противоположном буквальному; перенос по контрасту, по полярности семантики (Русский язык. Энциклопедия: 159).

[15] *Irony* – the expression of one's meaning by using language that normally signifies the opposite, typically for humorous or emphatic effect (Oxford English Dictionary).

Очевидно, словарные дефиниции ориентированы на языковую форму прототипического иронического высказывания, и, как и в случае с юмором, ничего не сообщают о дискурсивных свойствах иронии.

5. Итоги

Подведем некоторые итоги наших рассуждений:

Единственного признака (соотношение между высказыванием и реальностью) оказывается недостаточно для описания разнообразия существующих режимов *bona-fide* и *non-bona fide* модусов общения. Предложенный способ описания различных режимов коммуникации удобен, поскольку набор признаков позволяет показать, с одной стороны, общие признаки, с другой – те параметры, на основе которых носители языка интерпретируют речевые действия как юмор, иронию, сарказм и т. д. Перечень признаков носит открытый характер: при необходимости к нему легко могут быть добавлены и другие параметры.

Non-bona fide коммуникация – во всех ее проявлениях – показывает, какие действия с языковыми знаками возможны в принципе. Иными словами, «мера возможности» использования языка оказывается шире «меры сообразности», предусмотренной существующими моделями коммуникации.

Ирония – режим *non-bona fide* коммуникации, представляющий наибольшую трудность для описания. От прочих «несерьёзных» способов общения ирония отличается наибольшей вариативностью как в плане соотношения высказывания с реальностью (высказывание может полностью противоречить конкретной ситуации либо полностью соответствовать некоторой обобщенной, типизированной ситуации), так и в плане очевидности/неочевидности рациональности действий говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1: Парадигматика. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 568 с.
2. Бабушкин, А. П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 86 с.
3. Кашкин, В. Б. Метапрагматическая рефлексия по данным Национального корпуса русского языка / В. Б. Кашкин, К. М. Шилихина // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч.3: коллективная монография / Отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово, 2011. – С. 19-29.
4. Кибрик, А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Автореф... докт. филол. наук. – М., 2003. – 90 с.

5. Лосев, А. Ф. Комментарии к диалогам Платона // Платон. Законы / Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. – М.: «Мысль», 1999.
6. Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 721 с.
7. Шатуновский, И. Б. Ирония и ее виды // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. – М.: Индрик, 2007. – С. 340-372.
8. Anolli, L. “You’re a Real Genius!”: Irony as a Miscommunication Design / L. Anolli, M. G. Infantino, R. Ciceri // Say Not to Say: New Perspectives on Miscommunication. – IOS Press, 2001. – Pp. 141-164.
9. Bach, E. Informal Lectures on Formal Semantics. – New York: State University of New York Press, 1989. – 150 p.
10. Barbe, K. Irony in Context. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1995. – 206 p.
11. Clark, H. On the pretense theory of irony / H. Clark, R. Gerrig. // Journal of Experimental Psychology. – 1984. – Vol. 113(1). – Pp. 121-126.
12. Grice, H. P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics: Speech Acts. Vol. 3 / Ed. by P. Cole and J. Morgan. – New York; San Francisco, London: Academic Press, 1975. – Pp. 41-58.
13. Partington, A. Irony and Reversal of Evaluation. // Journal of Pragmatics. – 2007. – № 39. – Pp. 1547-1569.
14. Raskin, V. Semantic Mechanisms of Humor. – Dordrecht: Kluwer, 1985. – 308 p.
15. Searle, J. Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – 204 p.
16. Wilson, D. The Pragmatics of Verbal Irony: Echo or Pretence? // Lingua. – 2006. – № 116. – Pp. 1722-1743.

Ксения Михайловна Шилихина
Воронежский государственный университет
пл. Ленина, 10-15, Воронеж, 394006
Российская Федерация
shilikhina@gmail.com

Ksenia M. Shilikhina
Voronezh State University
pl. Lenina 10-15, Voronezh, 394006
Russian Federation
phone: +7 (473) 222 41 49